

"Хрущ пришел!"*

"Санги-и-на", — произносит Валя благоговейно.

Он проводит кончиком среднего пальца, чтобы не оскорбить — указательным, по контурам пятна на выпуклой сфере чайника для заварки. Вот он на столе, вернее, на дубовой доске, приколоченной к подоконнику на веранде, кузнецовский чайник. "Смотри, что вытворяли ребята. Небрежным, но выверенным броском кисти расплескали эти пятна-листья. А какой цвет! Санги-и-на".

Он говорит, и в его чувствительных пальцах предмет выплывает из недр того времени, когда был создан, начало XX века. Хрущ все знает. Мудрец? Волшебник? Откуда он взялся такой?

Он боготворил ремесленников, честных добросовестных исполнителей, которые возводили свои рукотворные произведения в степень искусства.

Когда он говорил, хотелось плакать об утраченном человечеством ремеслах, нельзя было понять нам, живущим в век халтуры, казенщины, пофигизма, для кого, для чего создавались эти изящные, любовно сделанные инструменты, которые хранились у него в "каптерке". Как он гордился клеймами фирменными, нежно проводя пальцем по лезвию!

Он собирал инструменты, охотился за ними, одалживал у кого мог 20 р. на стамесочку.

Утром в субботу ругался, если его не будили вовремя на Староконку.

Староконка, как соты меда, содержала в себе историю, познаваемую посредством вещей.

Там совершался круговорот от паритета к личностям. Эти люди были частью культурного слоя Одессы. И выдающиеся, и знаменитые тоже приходили туда. Там Валя получал образование. На Староконке он встречался со своими друзьями-художниками чаще, чем на пятиминутках. Они тоже были одержимыми коллекционерами. Еще Хруща формировали учителя художественной школы. Он с любовью вспоминал Зайцева, но больше размышлял о Фраермане: "Ветром времен обдавало меня при встрече с ним. Всего рукой подать до начала века, а ведь он был из одного гнезда с Нилусом, Костанди (шло перечисление) и Буниным".

* Название картины А. Ануфриева, которая была в коллекции Ф. Кохрихта.

Валю можно было хоть раз в день найти возле букина. Он часами разглядывал "картинку" в альбоме.

Мне пришлось в угаре отъезда отдать инструменты, старинные рамы на хранение Васе Рябенко. Стамески небольших размеров я привезла в Израиль, надеясь, что Димочка продолжит ремесло резчика по дереву, но в Израиле дерева нет, и сын стал работать с камнем.

Но Валя! С каким упорством и фанатизмом приобретал бесценные инструменты, фотоаппаратуру, и потом безжалостно оставил все, теряя навсегда. Он так и не приехал за своими вещами. Он потерял квартиру бабушки на Пересыпи, дача отца на Каролино-Бугазе не досталось ему, дом на Пикушах и дом в Камбурнях — оставил все.

Он говорил: "На рубль богаче, на рубль беднее, вот мой дед завод и землю в революцию потерял".

Казалось, он рассчитывал прожить много жизней, чтобы осуществить задуманное: графика (живопись), масло, резьба по дереву, реставрация, линогравюра, гончарка, фотография. Он даже научил меня вышиванию.

Хрущ каждым мгновением своей жизни доказал, что он — свободный художник. Он подчинялся только воле своего таланта и жизнеутверждающего естества.

Рассказывал с озорной усмешкой: "Я как-то так достал учителя труда в школе (возле Чумки), что он всерьез хотел меня убить. Бегу от него по коридору, потом во двор, вот-вот догонит. Душа перелетает от страха через забор, потом ноги. Всё! Я в эту школу больше не пошел".

Вот так он несся всю жизнь от конъюнктуры и пошлости, от правления фонда и союза, от бездарей с регалиями, от любящих женщин и кредиторов навстречу свободному творчеству и созерцанию.

Впервые я увидела картины Хруща задолго до того, как мы познакомились, в доме Маши Марусенко.

Коренастая бутылка водки. Помятая газета. Помидор. А вот домик, едва освещаемый лучами заката. Маленькое окошко. В этом окошке — тайна. Пугающая мрачной палитрой правда окраин, запретного и в то же время притягивающего мира людей незаконных профессий.

Валя вырос на Пересыпи. Он говорил: "Я тоже ходил по краю над пропастью. Многие из моих дружков плохо кончили. Такая же участь ждала бы и меня, если бы не художественная школа".

Туда его отвел Е.К. Свидзинский, увидев его рисунки, когда Валя помогал деду Андрею строить печь.

Бабушка Прасковья Малеваная, старообрядка, заменила Вале маму, когда ему было семь месяцев. Его мама Зинаида умерла от скоротечной чахотки, простудившись на зачете по плаванию в октябре 1942 года в Дюковском парке. Она была студенткой экономического факультета (по рассказам Вали). Отец Дмитрий, капитан траулера, был родом из белоцерковских казаков. Русые волосы, светлые глаза, плечо покатое, "как у Поддубного", — с нежностью вспоминал Валя. У его мамы на фотографии волосы вороньего крыла, скуластое круглое лицо, озорные глаза. Хрущ на нее и похож.

Меня познакомила с Валею Ляля Швальбина. Тогда они с Мишей Матусевичем заканчивали книжный магазин (резьба по дереву). Хрущ иногда приходил, послушно пил кипяток, окрашенный каплей заварки с клубничным вареньем, что-нибудь произносил на грани... и уходил.

Однажды была гроза. Я, слушая мелодию дождя, подбирала слова к стихам: "Жду шелеста листвы и кротких капель с кровли, дождя среди жары как гостей..."

Кто-то постучал в стекло двери. Открывать не хотелось, тогда стали стучать настойчиво, да так, что собаки залаяли. Пришлось впустить непрошенных гостей. Вошел сияющий Гарик Гордон, за ним Хрущик, увидел на столе черновики и спросил: "Мы тебе пух поломали?". Этот эпизод не вошел в повесть Гарика. "Далеко. Поздно", хотя весь маршрут до нашего дома от гостиницы "Красной" подробно описан Гариком.

Через некоторое время Валя стал жить на Чижикова. Солидного заказа что-то не предвиделось. Он маялся без дела, впал в депрессию, рассказывал о взаимоотношениях с фондом.

Приходили художники: Витя Маринюк, Людочка Ястреб, Саша Ануфриев, Володя Стрельников, Люсик Дульфан. Каждый из них — неповторимая индивидуальность. Они нежно подтрунивали друг над другом, вспоминали гусарские похождения минувших лет, звучали нарицательные имена членов правления.

Запомнилось обсуждение заседания, на котором Володя Стельников бесстрашно выступил с требованием предоставить возможность всем выставляться. "Стенку!" К счастью, тогда не припомнил Хрущику и Сычику прославившуюся выставку в Пале-Рояле.

На вопрос "Как дела?" Валя отвечал: "Медленно". Сидел с перевязанной шарфом головой, курил.

Однажды я не выдержала, купила в универмаге две досточки из липы для кухни, нанесла рисунок через копирку из детской Диминой книжеч-

ки, попросила у Вали стамесочку и стала ковырять. Валя наблюдал с отворачиванием, потом взял у меня дощечку, увлекся, и получилась славная картинка. Ее купили у меня в школе за 25 рублей. Это были как раз те деньги, которых, как всегда, не хватало, чтобы дотянуть до получки. Потом у меня заказали украшения для волос из дерева. Валя сделал заколки с головкой рыбки.

Началась эпоха рыбок. Надо сказать, что Валя хорошо был знаком с рыбой. Он рисовал и ел ее, малосоленную скумбрию, еще у отца на Каролино-Бугазе, изящно снимая шкурку от головы до хвостика. Это была его кровная тема.

Он вырезал ставридку, анчоус, сардельку, даже связки бычков и воблу. Люсик Дульфан в восторге называл это гениальной "покупкой". "Хочешь съесть под пиво, а она деревянная". Ее даже в шутку предлагали гостям, и те всерьез подносили ее ко рту. Осик Островский пытался предложить рыбки для продажи в худсалон. Одна дама, член худсовета, сказала: "До чего же додумались эти художники. Засушивают рыбку, приклеивают к досточке, еще и лаком покрывают". Гарик Гордон потом написал, что эти рыбки "от неприкаянности и сиротства". Увы, мы жили не в Москве, а в Одессе, где в те же времена на Привозе пьяные продавщицы с треском бросали на весы ржавую пересоленную океанскую ставриду. Лук гноили, а то, что оставалось, продавали по диким ценам. Тогда все наши друзья обращались к... Брэгю! Он спасал нас сознанием пользы голодания от настоящего голода.

Рахманины, и Женечка, и Танечка, являли приверженность сыроедению, правда, сламывались, когда Шура Калашников (хирург) устраивал царские пиры в честь художников. Коля Морозов сказал как-то, что он съел за день одну рисинку и чувствует тяжесть в желудке. Нашу страстно-терпную пытку одним махом прекращал Кела. Он приносил пару коробок свежайших пирожных из ресторана "Море", и первые два летели в пасть Билли. Я хочу сказать, что мы жили в реальном борении с нуждой. Ни у меня, ни у Вали мамы не было. Мой отец, перенесший инфаркт, жил с другой семьей.

Ремонт был хроническим состоянием в квартире. То с потолка вода лилась на кровать в комнате, потом сверху туалет соседей обрушился на веранде, и они продолжали пользоваться образовавшейся дырой нам на головы. В исполкоме на мой плач и вопли предлагали на выбор милицию или психушку. Тогда Феликс Кохрихт вместе с Алешей Ивановым подняли шум в газете, и ЖЭК как миленький все отремонтировал. Могли бы мы

сами, как атланты, держать на плечах все издержки советской власти в жилищно-коммунальной сфере. А приходилось сквозь слезы над всем смеяться. Одно время козлы в комнате стали частью интерьера, и нарядные барышни клали сумочки и жакетики на заляпанную известью поверхность. Или открытый взорам приходящих с порога унитаза — непреднамеренная инсталляция.

Я, как всегда, мучительно искала в литературе образ для поддержки духа. Им оказался "Сталкер". Мы вместе с Сашей Лисовским пришли на просмотр фильма в кинотеатр "Хроника", фильм уже начался, и послышалось: "Хрущ пришел". Действительно, было что-то родственно знакомое: проезжал трамвай, дребезжала посуда, и мы куда-то ехали, на стенках потеки от дождя, трещины, облупившаяся штукатурка.

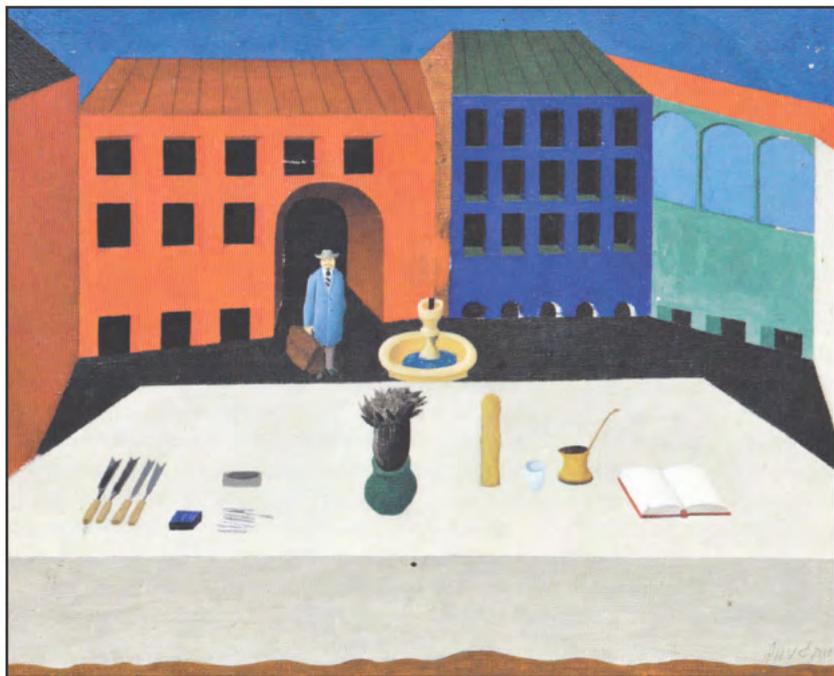
Небо на меня падало, когда Валя уходил куда-то на ночь глядя. И наконец, сам герой — в канадской шубе на голое тело летом ночью, с перевязанной шарфом головой.

А этот удивительный кадр видели многие, кто приходил к нам с утра пораньше: "просто сам по себе" глиняный кувшин, нарисованный на филенке, которая висела на одном гвозде. Напротив витринное стекло веранды с видом на сарайчик. Выше в соседнем дворе окно квартиры третьего этажа, где жил Валера Кузнецов, отбрасывало солнечный луч на нашу стенку. А так солнца у нас никогда не было. Лучик, как минутная стрелка, где-то с 8.30 передвигался по стенке, потом по кувшину.

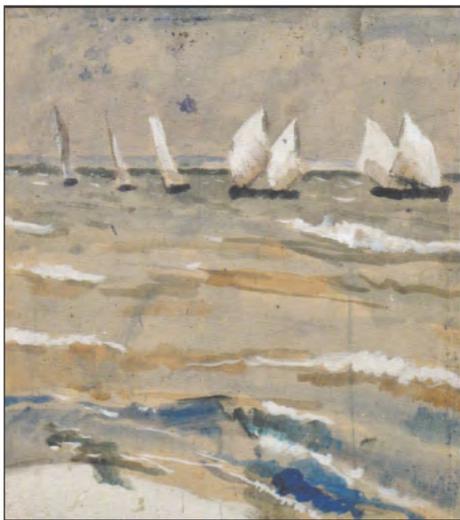
"Это достойно Тарковского", — сказал Женя Никифоров и обещал прийти с ним на Чижикова. Жаль, не вышло, великий режиссер в это время находился в Италии и назад не вернулся.

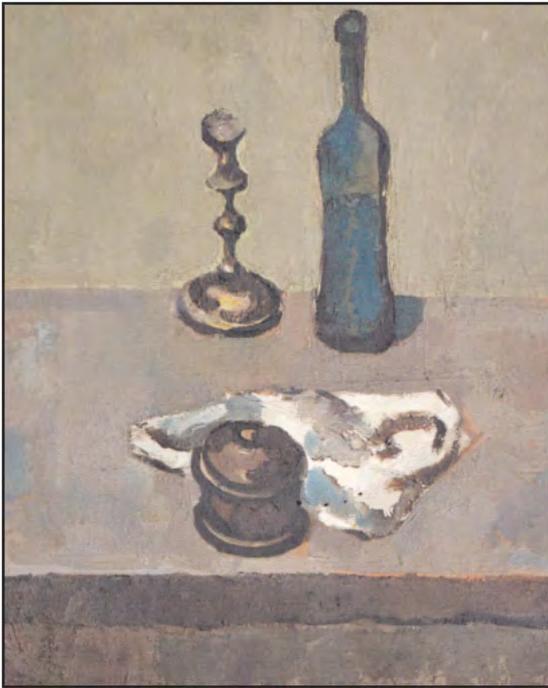
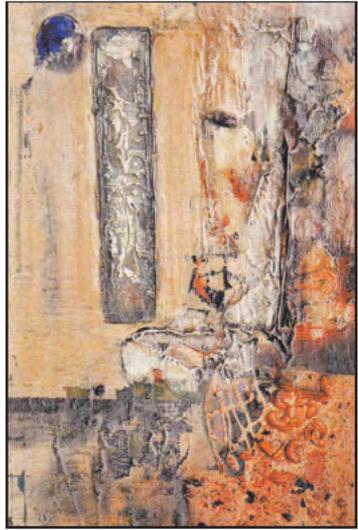
На этом история с картиной не закончилась. Потом, когда Валя жил в Москве, мне не давали покоя его кредиторы. Жена одного из них привела ко мне исполнительницу, надеясь конфисковать у меня что-нибудь стоимостью указанных в расписке 1500 рублей. Исполнительница наконец разошлась, стала стучать по филенке — и как заорет: "Что? Я у нее эту фанеру конфискую?!". Незадолго до нашего отъезда в Израиль Феликс купил эту работу за 2000 рублей.

Валя всегда безотказно выполнял любые работы для бесчисленных друзей, коллекционеров. Он просто раздаривал себя, свое время, нередко для обогащения заказчиков, ничего не получая взамен, кроме опыта. Он ремонтировал, реставрировал, даже подделывал печати в документах, все больше для кайфа. Как-то реставрировал старинное кресло для преподавательницы музучилища около года вместо обещанных трех месяцев.

Александр Ануфриев. "Хруц пришел!"

В конце концов, она рассердилась и привела своего мужа-амбала для устрашения. Тот, очарованный Валею, вообще не хотел уходить. Потом милостиво позволил ему не ограничивать себя во времени. Но видели бы вы это кресло! Его поставили возле ворот на улице, когда увозили, на фоне обшарпанных стен, напротив нового театра оперетты (еще страшней, чем эти стены) — настоящий happening!

Творчество — способ его существования, поэтому он молниеносно находил неординарное решение любой ситуации. Как-то внезапно получил заказ для того же музучилища, но с оговоркой фонда — всего две недели на выполнение.

Он покупает большие листы многослойной фанеры, режет на глубину, которую позволяет этот материал, затем использует цемент и другие материалы. Получились очаровательные герои "Бременских музыкантов". Все члены худсовета собрались у нас на веранде и с восторгом приняли эту работу, кажется, последнюю. Так же весело и остроумно он сделал дирижерскую палочку в подарок от друзей знаменитому дирижеру. И на палочке, и на футлярчике, который он тоже сделал в течение одного вечера, для фирменной убедительности вырезал иероглифы. Я спросила его: "Ты хоть знаешь, что означает сей иероглиф?". "Наверное, матерное слово — "он", — простодушно ответил Валечка.

Долго не мог получить стоящий заказ в фонде. Намечался охотничий домик из красного дерева в Молдавии. Во время разгрузки блоков ему повредили ребро.

Наконец доверили вырезать раму, такую точно, как в музее с картиной Гогена. Валя вырезал ее по фотографии для известного "маститого члена" Союза художников (фамилию не помню). Его картина — натюрморт с розой и секатором — должна была украсить атомную станцию, которой Л.И. Брежнев собирался осчастливить Одессу.

Потом Валю за злостные пропуски пятиминуток решили перевести из художников в исполнители. Как там у Е. Шварца: "Профессор, мы переведем вас в студенты".

В это время Валя почти не пишет. После драматического события на Фрунзе, когда затопило его работы в мастерской, у него произошел, как мне кажется, излом. Работы того времени считаются шедеврами, созданными тем самым Хрущом в красной рубашонке, который однажды выбросил через окно ключи подальше, чтобы не выходить из дому и работать до опупения, и сделать то, что он чувствовал нутром. Это было время его

бурной любви к женщине, которую он называл Галиной, и она, по его словам, была автором песни "Здравствуй, чужая милая, та, что была моей".

Были периоды неторопливости и покоя. Он просто сидел и созерцал течение времени, измеряемое оседающей пылью на предметах. Просил пыль не вытирать, паутину с паучком не трогать, не передвигать пиалу, а рыбку свежую оставить как есть на тарелочке, для постановки. Однажды пришел Витя Павлов, увешанный фотоаппаратами, и горящим взором начал высматривать объект для прицела. У меня подкосились ноги. Все. Грядет новая затея. Он отдавался новому ремеслу всецело, как ребенок. Вместе с Васей Рябченко и Женей свердловчанином они делали коллажи. С утра пораньше ездили с объективами, как на съемках фильма, в основном, разглядывая меня, сидящую за вышиванием. Валя покупал аппаратуру у одного, скажем так, предпринимателя за астрономическую, по моим понятиям цену, равную моим летним отпускным, не торгуясь.

Вот о мастерстве этих фотографий, сделанных в тот период, я прочитала уже в Израиле в статье молодого человека, написанной на украинском языке. Статья восторженная, хорошая, но с некоторыми искажениями фактов биографии Вали.

В это время в центре началось движение. Не мне об этом рассказывать, и некого спросить, как это происходило. Помню только имена: Кабаков, Краснопевцев, Зверев. В Одессе одним из первых Хрущ организовал выставку вместе с Р. Макоевым и Ж. Рахманиным. Помню, как тщательно Валя распределял работы на стенах. Начали собираться посетители. Сначала это были друзья, художники, коллекционеры. Тогда уже появились иностранцы, то есть наши соотечественники из Украины в Техасе и Бельгии. Потом пошли горожане, поклонницы. Двери были открыты настежь. Я дрожала от страха, когда кто-то додумался повесить на улице номер квартиры с указательной стрелкой, куда следовать. В то же время удивлялась, что нас не беспокоили определенные органы. "Ничего, — успокаивал меня Валя, — они всегда среди нас. А что они видят? Как веселые нищие прогоняют время?" Они (художники) устраивали аукционы, лотереи, рисовали на обратной стороне обоев картинки, как мы, литераторы, Фимоза, Гланец, Павлов и я, писали по строчкам роман. Словом, живой театр.

В то время часто приходил Рома Карцев. Они с Витей Ильченко репетировали неподалеку в Доме офицеров свою программу. Я не без волнения, робея, спросила его: "Рома, все привыкли к тому, что вы что-нибудь

смешное произносите, а вы молчите". "Здесь мне интересно других послушать. Есть что послушать", — скромно ответил Рома.

Соседи перед началом выносили во двор стульчики, скамеечки и сидели напротив наших дверей, как зрители. "Вика, к тебе идут!" — кто-то оповещал. Начиналось обсуждение: "Ой, смотри, Рома, ну очень большие". "А этого длинного я не люблю". и т. д.

Группа "Арсенал" с Алешей Козловым как-то, верь — не верь глазам близко, сидели прямо на полу на веранде. Однажды Женечка Никифоров привел "Маньку Облигацию". Я приняла Ларису за десятиклассницу-отличницу, не узнав сразу. Были ухоженные и нахальные девицы из состоятельных домов. Они бесцеремонно разглядывали меня, как экспонат. Я терпела эту беспардонность, пока Валя не сказал одной: "Между прочим, здесь живет моя семья".

Появился как-то человек голливудской внешности Джордж Файфер, репортер журнала "Континент". Приехал снимать и писать об еврейских свадьбах на Молдаванке (как будто все так и сохранилось со времен Бабеля). Его жена Татьяна, русская, родом из Иркутска, диктор Лондонского телевидения, велела ему привезти работы Хруща, увидев картины, которыми она "заболела". Джордж мечтал попасть в парную, ходил в дубленке в теплые зимние дни, распаренный и расстроенный. Ни одна баня не работает, а на Чижикова висит объявление: "Мазута нет, истопник пьян".

Хотя приходилось много времени уделять гостям, которые уже стали приходиться с утра, а по вечерам — толпами, у Вали был настоящий подъем. Ночами он рисовал в "каптерке". Проснувшись утром, я первым делом бежала посмотреть, что нового он сделал. Писал сериями, как отрабатывают каллиграфический почерк. "Торс", "Леда", "Похищение Европы", рыбки, натюрморты, автопортреты в шляпе, портреты друзей. Я подглядывала, как он работает.

Он всматривался в натуру, прищурившись, отстраняясь от всего, что его окружало, проникая, как рентген, в самую сущность объекта. Он делал эскизы черепа, постигая его антропологическую истину. Делая эскиз моего портрета, он нарисовал маму, которую никогда не видел.

А это действие происходило у многих на глазах. Мне на день рождения в августе принесли много цветов: розы, астры, гладиолусы. Они стояли на столе, на шкафу, на полу. Я была настолько счастлива, что сумела испортить себе настроение: "И все это чудо вскорости завянет?". Валя тут же

поставил подрамник с натянутым холстом большого размера и волшебными движениями руки и кисти остановил мгновенье. "И живопись живым цветам взамен". Я не помню судьбу этой картины. Валя кому-то отдал или продал, кто его знает? Это была его личная территория. Он мог, не раздумывая, снять картину и подарить первому встречному.

Для меня было важно другое. Смотришь на его картину того времени, и все там заключено: дух времени, все, что происходит рядом, за стеной, на втором плане, в объеме города. Слышишь говор соседей, голоса детей, крики котов, грохот трамваев. Доносится запах моря и степи. Была причастность к божественной самобытности его Родины — Одессы.

Я хотела бы также написать о романтической атмосфере в среде художников в эпоху нонконформизма. Хрущ тогда уехал в Москву "на разведку", к Володе Наумцу, который в то время начал выставляться в Москве. В выставочном зале (в конце бульвара) проходила выставка натюрмортов. Искусствовед в конце обсуждения сказала, что картина Хруща "является самым безупречным образцом этого жанра". И все же она была, как мне известно, одним из многочисленных отработываемых им вариантов одной серии, которую он написал "одним почерком руки".

Мне же запал в душу, ранил рисунок Фруминой "Ирис", в подтексте которого мною прочитывались строки Блока о женщине. После просмотра художники стояли группами неподалеку от зала. Внезапно все повернули головы, и послышалось, как вздох: "Фрумина". Я впервые увидела ее, скромную, стройную. Она слегка наклонила голову набок, как бы ограждая себя от излишних восторгов, и быстро прошла по бульвару. Я представила себе: вот она сейчас свернет за угол, а там... Монмартр.

Конечно же, Валя был цельной и самобытной личностью. Погруженный в свою идею, он магически воздействовал на всех, кому он был интересен. Всех он обращал в свою веру служения высокому искусству. Володе Асриеву, музыканту, он посоветовал превратить свою роскошную квартиру в выставочный зал. Сейчас "Мандолина" владеет собственной галереей в Англии. Витя Сальников работал в таможне, куда его устроил отец, секретарь райкома партии. Через три дня, побывав у нас в доме, уволился, стал собирать иконы и живопись. Были и такие, которые, увидев мастера за работой, сразу становились художниками. Димочка как-то возмущенно в пять лет сказал: "Убери отсюда эти каляки-намоляки". Я спросила Валю: "А горшок обыкновенный они нарисовать умеют?". Он развел руками: "На пальцах им этого не объяснишь".

Одной из его прилежных учениц была я. Не говорю о том, что мы постигали механику вышивания старинных икон или кимоно. Важно, какая философия была заложена в его понимании цвета. Отрабатываешь чередование теплых и холодных тонов, как душа запросит. Скромный фон, как повседневность, а вот тут, где-то под листиком, спряталась ягодка яркая, завораживающая деталь, от нее душа замирает, как у ребенка перед праздником, и ты достигаешь желаемой цели. Дима перенял это у отца, как сейчас принято говорить, на генетическом уровне.

Постепенно посещения превратились в непрерывное пребывание в доме людей, Димочке негде было готовить уроки. В это время что-то изменилось в экономической политике страны, появились фермеры, семейные подряды.

Знакомые Вали купили дом под Очаковым с участком более гектара и стали успешными фермерами. Правда, у них была дружная семья и машина. Валя попал под влияние их сына, идейного вдохновителя, экономиста-программиста, человека ограниченных возможностей на инвалидной коляске. Оба они были классными фантазерами, любителями табака и чая. При помощи калькулятора на свежем воздухе возле лимана они становились миллионерами. Во-первых, здесь будет цех, нет, завод по выращиванию нутрий, то есть мясо плюс шкуры. Благо опыт у Вали уже был. На Чижикова под окном веранды в корыте проживали две нутрии около года. Соседи окрестных дворов приходили, как в зоопарк, глазеть них. Собирались они создать цех по производству салами. Рецепт, который держался в секрете от всех, содержал в качестве ингредиента ослиное мясо. Валя уже заказал одному человеку с Кавказа "партию ослов". Уже реально были куплены две козы, черная и белая, две свинки со впалыми животами бегали, как собаки, по соседним участкам, также много породистых кур. Еще Валя собирался создать гончарный цех. Даже обломок греческой амфоры лежал в ожидании своего часа.

Валя купил также в долг Узик. Он гонял на нем без прав. В основном, помогал соседям, которые сразу распознали в нем доброго чудака и загрузили его работой с утра до ночи.

Однажды я ждала Диму с Валею до поздней ночи. Не знала, куда бежать. Оказалось, пока они там пили чай у Юры, машина, которую Валя поставил на спуске, съехала в лиман. Ее всем хутором вытаскивали. Потом Валя и Билли остались до холодов, а мы с Димой уехали в Одессу, так как начинались занятия в школе.

"Речи бесстыжие". Без них невозможно было бы представить себе Хруща. Слушала, поражалась, как это складно у него получалось, законченная композиция, как будто подготовленная и блестяще переданная. Я пыталась запомнить, что он говорил вечером, но утром ничего не могла воспроизвести. Фима Ярошевский, мастер монолога и диалога, даже приблизился к его органике однажды, когда он передал его вдохновенную речь возле служебного входа в театр оперетты, где Валя выгуливал Билли. Однако Фима грешил словечками, лежащими на поверхности, не свойственными Вале. "Прикинь" и "старик" я от него не слышала.

Я все-таки думаю, Валя просто "прогонял" время, которое бездарно стекало в канализацию, от невозможности реализовать по большому счету. И еще это было свойственное ему выражение доверительного отношения к собеседнику, то есть "я тебя уважаю настолько, что могу говорить о самом сокровенном". Основные темы, прорабатываемые им в беседах: художники-двадцатники, правление фонда и союза как недоразумение, голод на Украине и безграмотное озеленение города. Использовал ненормативную лексику в больших дозах, но со вкусом, изобретательно. Сплетни не переносил, а тех, кто занимался этим, называл "пылесборщиками". Его прислів'я и словосочетания звучат в памяти и всегда со мной. Я их сама использую. "Любив вовк кобилу", "любив, любив, та й не взяв", "не знаю, не пробовал", "с утра пораньше", "утро Родины моей" и т. д. Самое точное выражение, характеризующее его принципиально: "Хуже, чем умею, делать не могу".

Наконец о даме, которая его "похитила" из Одессы.

Не знаю, какими чарами обворожила почти всех наших художников, простодушных и доверчивых, эта давно не бальзаковского возраста дама, но мне казалось, что все с ума посходили. И Валя в том числе. Ко мне она как-то явилась с требованием подписать заявление от Хруща о разводе. Я подписала его без колебания. "Отдай змее змеиное", — к этому приучил меня сам Валя. Я лишь сокрушалась о том, что он дал втянуть себя в этот фарс. Со временем ее освободили от занятой ею должности. Я приезжала в Москву раз пять, пока мы с Димой не уехали в Израиль. Причина моего решения эмигрировать ясна как день. В военкомате по первой повестке ему сказал майор: "Ну, Хрущ, теперь мы до тебя добрались!". На следующий день я пошла в ОВИР.

Должна сказать, что в Москве Валя стал, как бы точнее сказать, как Кай в сказке "Снежная королева", заледеневшим. Хрущ в Москве — все

равно что Кремль на месте памятника Дюку. Возможно, это был плодотворный период в его творчестве, но чувствовалось только мастерство. А душа и память о нем остались на Родине. Каждая улочка, где "проканал" Хрущик, каждый дом, куда он приходил, и его восторженно встречали: "Хрущ пришел!". И его картины на стенах многих одесситов помнят
ВАЛЕНТИНА ХРУЩА.

* * *

Пользуюсь счастливой возможностью быть прочитанной и заверить всех, кто бывал в нашем доме, что я их люблю и помню. Они — неотъемлемая часть того мира, каким для меня был Хрущ.

Женечку Николаеву, Таню Дульфана и Фиму Ярошевского, Колю Зеленого, Люсика Дульфана, Витю Маринюка и Людочку Ястреб, Танечку и Женечку Рахманиных, Валеру Басанца, Эдика Павлова, Володю Стрельникова, особенно Феликса Кохрихта — ангела-хранителя, который трижды вытаскивал нас из беды, а также Евгения Голубовского и Людочку Гипфрих, публиковавших мои стихи, что было для меня величайшей моральной поддержкой.

Прошу всех, кто пожелает, писать мне по адресу:

Khaitzen Victoria
70700 GEDERA
BEN GURION 65
apt: 259
ISRAEL

Я также нуждаюсь в полноценном общении по e-mail: dikh@yandex.ru

Ваша Вика.

